Как японский консул во Владивостоке евреев

Консул Сабуро Нэи. Фото предоставлено Акира Китаде

Генеральный консул Японии во Владивостоке Сабуро Нэи до самой своей кончины в 1992 году никогда не рассказывал, что, вопреки указаниям из Токио, выдавал транзитные визы еврейским беженцам от нацизма.

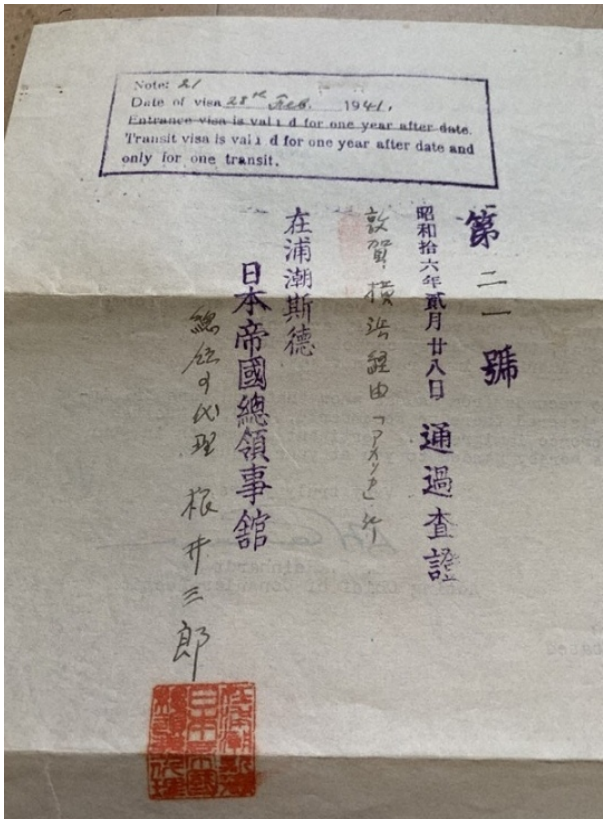
Будущий дипломат родился в деревне на острове Кюсю в южной Японии. Изучал русский язык в Харбине, где учился на два курса ниже Тиунэ Сугихары — будущего консула в Литве, которого называют «японским Шиндлером». В качестве сотрудника МИД Нэи работал в Иране и Советском Союзе, а в декабре 1940 года занял пост генерального консула Японии во Владивостоке.

Если о Сугихаре, удостоенного звания Праведника народов мира, написаны сотни статей и несколько книг, то Нэи до самого последнего времени оставался в тени. Исправить ситуацию взялся журналист из Токио Акира

Китаде. Он знал, что документы, найденные в Москве, указывают на выдачу японских транзитных виз еврейским беженцам, следовавшим через Владивосток. Но ни одной подобной визы не было найдено, пока коллега Китаде из Филадельфии не сообщил ему, что обнаружил документ на японском языке, который не в состоянии прочесть. Как только журналист увидел имя на пожелтевшей бумаге, то понял, что это одна из виз, выданная Сабуро Нэи.

Сабуро Нэи в 1930-е

Виза, выданная Симону Корентахеру

Виза, датированная 28 февраля 1941 года, позволяет польскому еврею Симону Корентахеру следовать в США через японские порты. На ней стоит подпись Нэи и официальная печать консульства во Владивостоке.

По словам Китаде, Симон бежал с семьей из Польши в Литву после вторжения нацистов в сентябре 1939-го. Возможно, тот же Сугихара помог им проследовать в Москву, где в феврале 1941 года посольство США отклонило ходатайство беженцев о въезде в Соединенные Штаты. Семье ничего не оставалось, как двигаться дальше на восток по Транссибирской магистрали через весь Советский Союз в поисках убежища.

Японское правительство обычно отказывало в транзитных визах просителям, не имевшим разрешения на въезд в третьи страны. У Корентахеров такого разрешения не было, но Нэи это не смутило.

В марте 1941 года беженцы достигли японского порта Цуруга в 800 километрах от Владивостока. Затем они отправились в Кобе, а оттуда — в Шанхай, где в годы войны нашли приют почти 25 000 европейских евреев. В США семья прибыла уже после войны — в августе 1947-го.

«Виза числится под номером 21, поэтому можно предположить, что до Корентахера 20 просителей получили аналогичные разрешения, — говорит Китаде. — Но, вероятно, останется загадкой, сколько всего людей спас консул».

Паспорт Корентахера для получения визы

Выходец из СССР, а ныне профессор токийского университета Кокусикан Яков Зинберг, отмечает, что обнаружение визы — настоящий прорыв, поскольку об этом периоде и роли японских дипломатов в спасении евреев известно очень мало.

«Советы не интересовались этими людьми (беженцами, — прим. ред.) и хотели, чтобы они следовали в Японию или куда-либо еще, — подчеркивает Зинберг. — Отчеты чиновника советского МИД, обнаруженные в Москве, показывают, что Нэи проявил сочувствие к беженцам и решил выдать им визы для въезда в Японию».

Сам Нэи проработал еще несколько лет в министерстве иностранных дел, потом перешел в министерство юстиции, был сотрудником Агентства по иммиграции и завершил карьеру в качестве директора иммиграционного бюро в Нагое. Он умер в 1992 году в возрасте 90 лет и ни разу не вспомнил о своей деятельности во время войны.

Тем не менее, в 2016 году на его малой родине — в городе Миядзаки — учредили общество по увековечению памяти Нэи. Параллельно Акира Китаде делает все, чтобы благородство дипломата, которого в СМИ уже именуют «вторым японским Шиндлером», получило достойную оценку.

Александр Файнштейн